

Август 91-го. Дни и ночи

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.

Ф. Тютчев

Сегодня на дворе третье тысячелетие.

Прошло пятнадцать лет со времени того неудавшегося переворота. Переворота, который покончил одновременно и с КПСС, а заодно и со страной. Конечно, многие события того времени сегодня видятся по-другому. Многие оценки изменились. Все стало на пятнадцать лет умнее. Но в этих заметках о событиях пятнадцатилетней давности, свидетелем и участником которых мне довелось стать, хотелось бы сохранить, насколько это возможно, свои ощущения и переживания того августа. Отразить настроения, которые владели людьми, мотивы, которые ими двигали, идеи, которые их вдохновляли в те дни в августе 1991 года.

А оценки даст История. Возможно, как это часто бывает в России, нескоро.

19 августа (утро)

О драматических событиях в Москве мы узнали в ирландском аэропорту Шеннон во время короткой стоянки самолета. Мы возвращались из Нью-Йорка, где принимали участие в работе конференции по геоинформационным технологиям. Вернее, знакомились с тем, что в этом направлении сделано в Штатах.

В те времена самолеты из Нью-Йорка в Москву летали еще с промежуточными посадками. Наступило 19 августа. В Москве было 6 часов утра, до Москвы было четыре часа лета. Телевизор в аэропорту несколько раз повторял о создании ГКЧП, о введении чрезвычайного положения, о «Заявлении советского руководства». С моим английским я мало что понял, но окружающие пассажиры все перевели и разъяснили. Значит — переворот.

То, что это именно переворот, для меня было ясно сразу же. Участвует в этом Горбачев или не участвует, скинуть его хотят или он все это возглавляет, — все это детали. А по сути — попытка старых сил, которые теряют свои позиции и не могут себя найти в новой реальности, остановить и обратить вспять процесс перемен. Вернуть к старому. А потом можно еще десятилетия ждать, пока созреют условия для новой попытки изменить жизнь в стране. Примерно такие мысли возникли у меня в то утро в Шенноне.

Надо сказать, что возможность переворота в то лето просто висела в воздухе. Это чувствовали все и в стране, и за рубежом. За несколько дней до возвращения в Москву, во время беседы с американскими даже не политиками, а специалистами по геоинформационным технологиям, меня тоже попросили ответить на вопрос о вероятности в СССР военного переворота. (Такой вопрос в те дни американцы задавали, наверное, каждому человеку, прибывшему из СССР.) И я совершенно искренне ответил, что такая вероятность очень небольшая, поскольку за семьдесят лет партийного руководства, советские генералы отучились принимать самостоятельные политические решения. Геоинформационщики согласно покивали головами. Вот то-то сейчас, наверное, смеются (или грустят), вспоминая об этом разговоре.

¹ В августе 1991 г. заместитель премьера Правительства Москвы, префект Центрального административного округа.

Хотя, конечно же, вовсе не до смеха. Ни им, ни, в особенности, нам. Возвращались мы втроем с Сергеем Трубе² и Женей Савостьяновым³.

Создавшаяся ситуация, в том числе вопрос лететь дальше или оставаться, обсуждалась нами до той минуты, пока по радиотрансляции нас персонально не пригласили занять места в самолете. Обсуждения продолжились в полете. Стало быть, летим в Москву (хотя, быть может, и к волку в пасть).

Что сейчас происходит в столице? Очень помогли стюардессы. Они как-то поняли, что этих трех пассажиров события в сегодняшней Москве интересуют особенно, и передавали нам самую свежую информацию, полученную от пилотов. Кто вошел в ГКЧП? Где Горбачев? Где Ельцин? Впрочем, наш «особый интерес» трудно было не заметить, поскольку все время полета мы занимались в основном тем, что рвали имевшиеся документы и свои записные книжки. Кстати, все это мы делали, ловя на себе сочувствующие взгляды пассажиров.

Часа через два полета подошла стюардесса и, понизив голос, сообщила, что в город входят войска. Стало быть, вооруженный переворот по полной программе. Так подумалось. Услужливая память подсовывает детали переворота 1981 года генерала Ярузельского. (Отменены конституционные гарантии, несколько тысяч активистов «Солидарности» арестованы, взяты под контроль правительственные здания, закрыты границы и т.п.) Однако стюардессы уверенно говорят, что садиться мы будем в Шереметьево. Странно. По моим представлениям, генерал Ярузельский обязательно посадил бы самолет, летящий из Нью-Йорка, на какой-нибудь военной базе.

Дальше еще удивительней. Действительно — Шереметьево. Самолет бежит по полосе. Никаких БТРов на летном поле, никаких десантников у трапа. А когда в салон входит сотрудница аэропорта и произносит: «Музыкантский и еще два человека с ним приглашаются в VIP-зал», появляется первое смутное представление о какой-то недоделанности этого переворота.

В VIP-зале встречают родственники, несколько друзей. Все очень встревожены. «Вы знаете, что произошло? В городе танки. У нас машина с нейтральными номерами, ваши гражданские паспорта. Едем в надежное место». Нам-то, только что вылезшим из самолета, легче, а они уже видели колонны бронетехники на улицах. Но я иду к городскому телефону. Звоню на работу. Трубку поднимает мой помощник Валера Гринько и сообщает очень спокойным голосом последние новости:

— Все на местах, Юрий Михайлович провел совещание, ждем вас.

— Послушай, Валера, а АТС-2 работает?

— Работает.

— Нет, ты пойд и проверь, я подожду на трубке.

(Ну, хоть правительственную-то связь в Мэрии они должны были вырубить).

— Позвонил в приемную Попова, все работает.

Вот тогда я сказал фразу, которую помню до сих пор: «Нет, ребята, так перевороты не делаются». И мы вместе с Женей Савостьяновым поехали на Тверскую.

Эта поездка запомнилась. Во-первых, настроение было, в общем-то, хреновое. Так делают перевороты или не так, а просто так танки в столицу государства не вводят. И чем это все кончится, совсем не ясно. А за окном — знакомое с детства Ленинградское шоссе. Чуть тронутые осенними красками деревья. Очереди на автобусных остановках, развалы арбузов. И мое самое сильное ощущение от первых минут этой поездки: скучная обыденность обстановки. За окном автомобиля ничего особенно, ничего необычного. Люди занимаются своими делами — ждут на остановке автобус, идут в магазин за покупками. Они что, не знают, что в городе танки? Что в стране переворот?

² В августе 1991 г. депутат Моссовета.

³ В августе 1991 г. начальник аппарата мэра Москвы.

Пока мы ехали из Шереметьево, успели несколько раз услышать по радио «Обращение советского руководства». Этот текст в то утро передавали по радио каждые пятнадцать минут. Я плохо помню содержание этого документа, да и не хочется, честно говоря, вспоминать. Но я до сих пор помню, как гениально он читался диктором. (К сожалению, не знаю его фамилии.) Сам тон этого чтения вовсе не торжественно-патетический, а скорее грустно-сосредоточенный, как бы говорил: «Ну что поделать, друзья, сам понимаю, что это не хорошо. Чрезвычайное положение и все такое. Конечно же, лучше бы обойтись без этого, но вы и сами поймите, нельзя по-другому. А, может, еще и обойдется, и не так все это страшно. Подождем — увидим». Эти и подобные смыслы, не меняя ни слова в официальном тексте, гениально сообщал диктор, знакомя народ с «Обращением советского руководства».

Первых сотрудников ГАИ, которые сделали попытку остановить нашу машину, мы встретили где-то на подъезде к площади Маяковского. Я вышел из машины.

— Дальше нельзя.

— А почему?

— Не положено.

— А почему не положено? Кто вас поставил? Кому вы подчиняетесь?

Бедные гаишники сами ничего не знали, ничего не понимали. Шел уже восьмой час с начала переворота, а милиционеры в центре Москвы не имели никаких указаний, не понимали, что происходит, чьи команды они должны выполнять, кого и куда не пускать. (А генерал Ярузельский, наверное, прекрасно понимал, что судьба переворота решается в первые часы).

Но доехать мы все равно смогли лишь до Пушкинской площади. Только ГАИ уже было ни при чем. Дальше проехать было просто невозможно. Какой контраст со скучной, будничной Ленинградкой. Огромные массы людей, многие с российскими триколорами. Бронетехника в окружении москвичей, некоторые из них прямо на броне разговаривают с экипажами. По всему видно, что солдаты так же, как те гаишники на Маяковской, тоже не имеют никаких приказов.

В 14 часов мы были в здании Мэрии. Кругом все бурлило. На Тверской танки, вокруг здания десантники (то ли окружили, то ли защитили). Юрий Михайлович сидит в своем кабинете. Последние новости. Ельцин выступил у Белого дома и объявил ГКЧП незаконным. Около Белого дома несколько тысяч протестующих против переворота, и еще столько же на Тверской. Попов возвращается вечером. Мне ехать к начальнику ГУВД генералу Мырикову выяснять его позицию и объяснять нашу, а вечером выступать на открытии Всемирного конгресса соотечественников.

Общее впечатление от первых часов в столице — не переворот, а какой-то бардак. Может, я не так уж не прав был в разговоре с американскими геоинформационщиками.

19 августа (вечер)

7 часов вечера. Переполненный зал Чайковского. Торжественное открытие Всемирного конгресса соотечественников. Это событие готовилось несколько месяцев на самом высоком уровне. Его проведение должно показать новое лицо страны, ее стремление к открытости, к установлению новых связей с соотечественниками, которых судьба разбросала по всему свету.

И несколько сотен человек приехали на конгресс в Москву. Среди них и писатели, и ученые, и бизнесмены, и представители старых дворянских фамилий. Можно себе представить, что они переживали в тот день. Их отцы и деды семьдесят лет назад покинули родину, спасаясь от большевиков. Они приехали в страну (многие впервые в жизни), которая провозгласила новый путь, пригласила их принять участие в этом обновлении — и первое, что они увидели, это танки на улицах столицы. (Потом говорили,

что примерно 15% делегатов конгресса в тот день покинули страну.) И как бы для наглядности два танка стоят на площади прямо перед зданием зала Чайковского.

Переполненный зал гудит, а в небольшом помещении за сценой стоит крик. Председатель Оргкомитета конгресса Михаил Никитич Толстой — потомок великого писателя и народный депутат РСФСР — и еще несколько человек обсуждают процедуру открытия. Точнее, обсуждается один вопрос: говорить ли на открытии конгресса что-либо о путче и если говорить, то что. Мнения самые разные, гвалт страшный. Общее мнение не вырабатывается. Однако уже 19.40, больше тянуть нельзя, и мы вдвоем с Толстым выходим на сцену.

Он представляет меня: «С приветствием от мэра и Правительства Москвы выступит...» И я остаюсь один перед затихшим залом. Первые мои слова благодарности за то, что приехали, за то, что долгие годы в эмиграции сохраняли русский язык и русскую культуру, русские традиции, за то, что сохранили живой интерес к Родине, — звучат в абсолютной тишине. Следующие свои слова помню почти дословно. «Не ваша и не наша вина в том, что сегодняшний конгресс открывается в один из самых драматических моментов в истории нашей Родины, в тот момент, когда решается вопрос: пойдет ли страна по пути обновления или вновь погрузится в пучину тоталитаризма. И мы уверены, что народ выбрал свой новый путь окончательно, и никто не сможет этому помешать». Что я говорил дальше — не помню. Поднялся страшный шум, все вскочили со своих мест, овация длилась несколько минут. Я понимаю, что чувствовали люди в тот момент. Мои слова были для них знаком того, что не все еще потеряно, что есть сила, которая может быть сильнее танков на улицах. И они почувствовали себя частью такой силы.

А для меня это был момент высшего эмоционального переживания. Один из тех нечасто встречающихся в жизни моментов, когда ты абсолютно уверен в том, что ты делаешь именно то, что нужно людям. И то, как приняли мои слова делегаты в зале Чайковского, еще больше подкрепило мои впечатления от всего этого дня. Поэтому вопросы корреспондента, встретившего меня на выходе, не вызывали у меня затруднений.

— Чем это все может кончиться?

— Они сломают себе шею в три дня.

— А на чем основана такая уверенность?

— Народ не примет.

Мы уже выходили на площадь.

— А какая обстановка в Москве?

— Правительство Москвы полностью держит под контролем всю ситуацию в городе. Вот видите, даже танков уже нету.

Я отвечал, почти не задумываясь. Видно, эмоционально еще находился в зале. А танков на площади, действительно, уже не было.

20 августа (день). 21 августа (ночь)

Предыдущая ночь и сегодняшний день не принесли решительной развязки. Белый дом, окончательно определившийся как центр противостояния, один за другим выпускал Указы Ельцина. Листовки с их текстами разбрасывали прямо из окон здания.

В целом по стране картина сложная. Большинство партийных комитетов поддержало путч. Но во многих городах массовые демонстрации протеста, забастовки, перекрытие дорог. Похоже за первые сутки ГКЧП взять под контроль ситуацию не смог.

В 10 часов состоялось заседание Правительства Москвы (а как же — вторник — день заседаний!). Сообщение «о текущем моменте» сделал Г.Х. Попов. Все члены Правительства на своих местах. Управление городом не нарушено. Установлено круглосуточное дежурство во всех префектурах, во всех подразделениях Мэрии. Все попытки Горкома КПСС создать какой-либо альтернативный орган управления городом провалились. (А такие попытки были. Было много звонков с предложениями и

требованиями от первого секретаря Горкома КПСС Ю. Прокофьева и Ю. Лужкову, и его заместителю Б. Никольскому и другим членам Правительства.) Еще раз подтверждено для тех, кому еще не все ясно: Правительство Москвы поддерживает Президента РФ, считает ГКЧП незаконным, а путч — антиконституционной попыткой переворота.

В 12.00 митинг перед зданием Мэрии. Яркое выступление Г.Х. Попова с балкона Мэрии. «В соответствии с Указами Президента РСФСР Бориса Ельцина о неконституционности Государственного комитета по чрезвычайному положению, я заявляю москвичам, что режим чрезвычайного положения в нашем городе не вводится. Все органы, которые будут пытаться управлять городом помимо законно избранных москвичами органов управления, являются самозванными и незаконными».

Митинги и демонстрации по всему центру города. Огромного размера российский триколор, спускающийся по Тверской от Пушкинской площади к Манежу.

И все-таки по всему видно, что напряжение нарастает. С самого утра вокруг Белого дома стали сооружаться баррикады. Сюда приходит все больше людей. Многие в этот день успели вернуться в Москву из других городов. (Правда, спустя несколько дней, многие сочиняли замечательно узорчатые рассказы о том, как они стремились вернуться в те дни в Москву и почему не смогли этого сделать.) Мне передали, что звонил по телефону сын. Просил передать, что они с женой вернулись из Одессы и что они идут к Белому дому, и с ними еще несколько их друзей.

По всему видно, что предстоящая ночь станет решающей.

В огромном здании Мэрии на Тверской почти пусто. Встречаю Лену Котову⁴. «Саша, нужно уходить в Американское посольство. Они примут, у меня есть договоренность». Но мне что-то не хочется в Американское посольство.

Около 10 вечера захожу в кабинет Попова. Он в кабинете один. Настроение очень тяжелое. Только что в программе «Время» выступал командующий Московским военным округом генерал-полковник Калинин. Объявил о введении в Москве комендантского часа.

— Гавриил Харитонович, Вам бы надо ехать в Белый дом. Здесь в здании — никакой охраны. А вокруг Белого дома тысяч, наверное, тридцать–сорок. Я там был пару часов назад. Да еще Коржаков со своей охраной.

— Да я понимаю, что надо. Но ведь нужно это согласовать. Я послал своего помощника, но пока никакого ответа.

Рядом в кабинете Женя Савостьянов, Саша Соколов⁵, еще несколько человек. Это почти все на данный момент обитатели здания Мэрии.

Коллективное обсуждение ситуации с элементами черного юмора.

— Ну что, остаемся?

— А какие варианты?

— Ну, или оставаться, или в Белый дом, или куда-нибудь в берлогу отлежаться.

— Лучше уж оставаться, здесь хоть связь еще работает, можно что-нибудь полезное сделать.

— Ну, тогда остаемся.

— А если ночью начнут захватывать Мэрию? Они же не знают, что здесь никакой охраны.

— Тогда или «Руки вверх!», или «Ложись на пол!», в зависимости от традиций воинской части.

Я остался в здании Мэрии на Тверской. Всю ту ночь я провисел на телефоне. Связь работала. Сначала я позвонил Леве Суханову⁶ в Белый дом. Разговор получился достаточно грустный.

⁴ В августе 1991 г. руководитель Москомимущества.

⁵ В августе 1991 г. депутат Моссовета.

⁶ В августе 1991 г. помощник президента РСФСР.

— Если начнется штурм, им потребуется минут тридцать, чтобы все закончить.

— А охрана?

— Да какая охрана, всего человек тридцать с автоматами. А у тех, знаешь, какая техника. Но мы все остаемся здесь, и сюда приехали и Попов, и Лужков.

В общем, настроение тревожного ожидания.

А Илья Заславский⁷ позвонил мне сам. Тоже из Белого дома. Этот говорил что-то совсем уже паническое: «Александр Ильич, давайте прощаться, сейчас начнется штурм. Постарайтесь сберечь людей. И тогда, лет через десять, можно будет попытаться еще раз». И все в таком духе.

В отличие от него генерал Руцкой, начальник обороны Белого дома, был предельно деловитым. Услышав мой голос в трубке, он сразу закричал страшным голосом, пересыпая речь отборным матом: «Заткните въезд на мост перед Белым домом со стороны Кутузовского проспекта. Тра-та-та. Чем хотите заткните, тра-та-та, автобусы подгоните, троллейбусы. Сейчас они танки пустят, чтоб их всех тра-та-та». Не знаю, откуда у Руцкого появилась эта информация, но кричал он так, как будто из окна своего штаба обороны Белого дома эти танки уже видел.

Мои обращения с подобными предложениями к дежурным двух автобусных парков никакого энтузиазма у них не вызвали. Пришлось разыскивать Лужкова. Мне показалось, что он даже обрадовался, когда услышал о просьбе Руцкого. Наверное, ему было тяжело в окруженном Белом доме, в отрыве от информации, без живого дела. Он сразу включился. С кем он разговаривал и что при этом говорил, я не знаю, но под утро и автобусы, и троллейбусы на мосту появились.

Но больше всего времени в ту ночь у меня заняли телефонные разговоры с райсоветами и префектурами. Везде на телефонах были ответственные лица, и с их помощью я пытался установить общую картину передвижения по городу военной техники. Вместе с помощником Валерием Гринько на большой карте города пытаемся представить общую картину.

Но общая картина никак не складывалась. Складывалась картина хаотического, бессистемного передвижения колонн бронетехники по ночному городу. Одни колонны двигались к центру, другие в сторону окружной, третьи — в обоих направлениях по Садовому кольцу. Некоторые из этих передвижений подтверждалась в штабе Руцкого, некоторые сообщения оказались ложными, но ничего похожего на единый замысел не просматривалось.

А одну такую колонну я сам видел прямо из окон своего кабинета, которые выходили на памятник Юрию Долгорукому. Штук пятнадцать БТРов на приличной скорости шли по Столешникову переулку прямо на здание Мэрии.

Признаюсь, я был уверен, что они идут захватывать Мэрию. Но колонна, не снижая скорости, резко поворачивает направо и мимо памятника уходит по Тверской в сторону Пушкинской площади.

К утру стало ясно, что, по крайней мере, сегодняшней ночью штурма не будет. Но бессмысленные передвижения бронетехники по городу все-таки привели к трагедии. На пересечении Садового кольца и Нового Арбата погибли трое молодых ребят.

В 7 утра Лужков уже был в своем кабинете. И я стал свидетелем его очень жесткого телефонного разговора с начальником Генерального штаба М. Моисеевым. «Немедленно выводите свои танки из города, Вы дождетесь, что их начнут жечь», — требовал Лужков. Моисеев отвечал, что то ли министр обороны уже отдал такой приказ, то ли вот-вот отдаст.

К 9 утра войска стали выходить из города. Это был бесславный конец путча. Это была победа!

⁷ В августе 1991 г. народный депутат СССР, председатель Октябрьского райсовета Москвы.

22 августа (вечер)

Второй день свободы. По городу бродят разрозненные массы людей, то и дело возникают стихийные митинги. Грандиозный митинг перед Белым домом. Ельцин выступает с балкона, встречаемый громовой овацией. Поток указов Президента РФ. Депутаты ВС во главе с Руцким летят к Горбачеву в Форос. ГКЧП летит туда же. Районные советы принимают решения о прекращении деятельности Райкомов КПСС. (Вся власть Советам!) Перед воротами Петровки, 38, огромная толпа, пришла назначать своего начальника ГУВД. Непрерывный митинг на Лубянской площади перед зданием КГБ. На Красной площади группы отдельных граждан собираются около Мавзолея, что-то затевается. И нигде никакой милиции, ее просто нет, просто на улице нет ни одного человека в милицеской форме. Весь город во власти эйфории победы. Эмоции зашкаливают, перехлестывают через край.

Все это мне что-то смутно напоминает. Дело в том, что буквально пару недель назад я перечитал «Красное колесо» А. Солженицина. Точнее те его страницы, которые описывают Февральскую революцию 1917 года в Петрограде. И страницы из «Колеса», картины революционного Петрограда были свежи в памяти. Как же быстро, буквально за пару дней, победная эйфория превращается в кровавую вакханалию. Опять всплывали в памяти картины из «Красного колеса»: стрельба на улицах Петрограда, погромы, обыски и грабежи в квартирах, массовые убийства офицеров на кораблях Балтийского флота. И все это буквально на следующий день после революции. Второй день свободы.

Главная задача, которую решали при полной поддержке президента Б. Ельцина в те дни Г. Попов и Ю. Лужков, — не допустить погромов, в буквальном смысле спасти город. Я мотался по стихийным митингам, выступал перед разгоряченной толпой. Со мной были многие ребята из «Демроссии», из «Московского объединения избирателей», те, кто мужественно проявил себя в дни путча. Иногда нас слушали, иногда нет.

Приехав на один из митингов, я совершенно неожиданно для себя встретил там Геннадия Хазанова, который выступал с кузова грузовика. Замечательный мастер, он с трудом пытался овладеть вниманием. Рассказывал какие-то байки, удачно реагировал на выкрики из толпы. (Помню, как он, приняв классическую руководящую позу, провозглашал: «Ну нету у меня для вас броневика, нету, вот только грузовик подогнали».) И напряжение постепенно начинало спадать, готовая к буйству и погромам толпа превращалась в аудиторию, слушающую Мастера. Подобных случаев в те дни по всему городу были сотни. И самого страшного удалось избежать.

После полудня меня разыскал Г. Попов, сообщили, что огромная толпа собралась на Лубянской площади, попросил туда подъехать.

Картина, которую я увидел, приехав на площадь, была достойна накала революционных страстей тех дней. Плотная толпа в несколько тысяч человек окружала памятник в центре площади. Вокруг шеи бронзового Феликса была намотана толстая веревка и десятки людей, вцепившись в нее, пытались сдернуть монумент с пьедестала. Никто не хотел ничего слушать. Наотмашь отстранив меня, ребята в очередной раз на «раз-два-взяли» ухватились за веревку. Было ясно, что эта затея может кончиться очень плохо. Многотонная конструкция, падая с шестиметровой высоты, может не только покалечить людей, но и разрушить перекрытия подземного перехода.

Когда ребята остановились передохнуть после очередной неудачной попытки, я представился и сказал, что эту самодеятельность надо прекращать, а я сейчас поеду и через двадцать минут привезу распоряжение Мэра Москвы о демонтаже памятника. То же самое я повторил единственному сотруднику милиции, которого я тогда увидел на площади. (К сожалению, я в горячке даже не спросил его фамилию. Хотелось бы, хоть и с опозданием, поблагодарить его. Ведь, чтобы появиться в тот момент на Лубянской площади в форме офицера милиции, надо было иметь незаурядное мужество.)

Короткая дорога от площади Дзержинского до Тверской, 13, была отмечена еще одним, характерным для тех дней, эпизодом. В Охотном Ряду мою машину остановила толпа. (Еще бы: кто-то на черной «Волге» уезжает с Лубянки.) Дальше ехать было нельзя, меня вытащили из машины. С трудом удалось объяснить, кто я такой, откуда, куда и зачем еду. Помогло то, что в толпе, остановившей машину, было несколько человек, которые меня узнали.

В кабинете у Попова полно народа. Рассказываю ему о ситуации на площади и прошу срочно подписать распоряжение о демонтаже памятника. К моему огромному удивлению, Попов решительно отказывается. Объясняю еще раз с начала, ко мне присоединяется еще несколько человек, находящихся в кабинете. Говорим, что если толпа снесет памятник стихийно, то она может на этом не остановиться. Возможны всякие эксцессы и провокации вплоть до штурма здания КГБ. Да и если разобраться, то памятник перед зданием КГБ как символ десятилетий террора против своего народа заслуживает подобной участи. Да еще если учесть ту роль, которую сыграли «органы» в только что провалившемся путче. Никаких результатов.

В это время на столе у Попова захрипела постоянно включенная на прием рация. Говорил Сергей Станкевич⁸. Не зная о том, что происходило в тот момент в кабинете Попова, он говорил спокойным, бесстрастным, будничным тоном. «Нахожусь на Лубянской площади. Экзальтированная толпа пытается свалить памятник. Нужно Распоряжение о сносе, нужно прислать монтажников и тяжелые краны, нужно весь этот процесс официально организовать».

Не знаю, что больше подействовало на Гавриила Харитоновича: наши эмоциональные объяснения или именно будничный, «производственный» тон Станкевича. Но только он, в конце концов, согласился. «Ладно, готовьте распоряжение».

Еще через полчаса я получил от ребят из секретариата Попова готовое Распоряжение. Эти несколько строк заслуживают того, чтобы привести их полностью. В них яркие краски эпохи. В них отражение настроений и страстей, которые охватили тогда самые широкие слои народа.

О демонтаже памятника
Ф.Э. Дзержинскому

В связи с тем, что руководство КГБ СССР принимало самое активное участие в подготовке и осуществлении государственного переворота 19–22 августа 1991 года и учитывая, что памятник Ф.Э. Дзержинскому является символом органов ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ СССР, сыгравших преступную роль в истории народов России:

1. Демонтировать памятник Ф.Э. Дзержинскому на Лубянской площади.
2. Правительству Москвы рассмотреть вопрос о судьбе других памятников, знаков и иных объектов на территории города, сооруженных или названных в честь государственных и партийных деятелей СССР и иностранных государств.

Мэр Москвы Г.Х. Попов

С этой бумагой в кармане я вновь появился на площади. Ситуация постепенно изменилась. Попытки свалить памятник прекратились, центр площади вокруг памятника расчистился, но на некотором удалении от него по всему периметру площади находились несколько тысяч человек. И настроение людей изменилось. Экзальтация сменилась спокойствием. Удалось наладить радиотрансляцию. Это был одновременно митинг и обмен последними новостями.

Зачитали Распоряжение Мэра Москвы о сносе памятника, встреченное громовыми овациями. Кто-то сообщил о закрытии Дзержинского райкома КПСС и в доказательство поднял над головой вывеску, снятую с фасада здания. Кто-то пел под гитару Галича.

⁸ В августе 1991 г. народный депутат СССР, первый заместитель председателя Моссовета.

Сообщили о возвращении в Москву М. Горбачева, это вызвало насмешливые и негодующие возгласы. Помню выступление Елены Боннер. Наперекор всем настроениям, она говорила, что война с памятниками — это занятие, недостойное цивилизованных людей.

Сообщили о первых словах Горбачева после возвращения. Он говорил что-то на тему, что он собирается созвать Пленум ЦК и определить новый курс партии. Это было встречено свистом. Тогда на площади я впервые услышал слова, которые позже повторялись не раз: «Горбачев, наверное, не понял, что он возвратился в другую страну».

На площади стали появляться руководители Московского стройкомитета. Они разыскивали меня, просили показать «бумагу», прочитав ее, деловито говорили «угу» и отправлялись исполнять. Костя Буравлев (в то время депутат Моссовета и председатель Комиссии по строительству) радостно итожил: «Все, можно открывать коллегия Мосстройкомитета. На площади шесть заместителей Ресина». Самого Ресина на площади не было. Не появлялся там и Лужков. Но, судя по настрою руководителей Стройкомплекса, появившихся на площади, указания они получили исчерпывающие.

Начало смеркаться. Народ уже волновался. «Где краны?» Несколько раз и Станкевич, и я выступали с успокоениями. «Краны едут, но издалека, и трудно проехать по городу». Уже стемнело, когда два крана въехали на площадь. Зажглось вечернее освещение. В здании КГБ не было ни одного освещенного окна. Но все были уверены, что десятки пар глаз смотрят в этот момент на площадь из темных окон.

На фоне вечернего неба отчетливо видны фигуры двух монтажников, прилаживающих стропы. Казалось, они делают это бесконечно долго. Но вот краны зарычали, стропы натянулись, все замерли. В следующее мгновение статуя, сдернутая с анкеров, медленно, как бы нехотя, пошла вверх. Толпа разом выдохнула и разразилась криками восторга. Сотни фотокорреспондентов и телеоператоров неистовствовали, ловя исторические кадры. Над опустевшим постаментом кто-то уже водружал российский триколор.

Рушились символы. Заканчивалась эпоха.

23 августа (день)

12 часов. У меня короткое совещание по итогам вчерашнего дня. Все службы работают в обычном режиме, эксцессов удалось избежать. Вчера в Москве приостановлена деятельность всех тридцати трех райкомов и Горкома КПСС. И все-таки стихийные митинги продолжаются, много людей перед зданием ЦК на Старой площади. Что день грядущий нам готовит?

Это выяснилось неожиданно скоро. В кабинет вбегает помощник и с порога выкрикивает: «Горбачев дал санкцию на закрытие ЦК!»

В кабинете у Попова опять куча народа и опять все на ушах. Мне показывают «санкцию». В руках у меня неаккуратно вырванный из блокнота листок в клетку. Очень неаккуратный почерк, с вставками и исправлениями. Текст ни к кому не обращенный.

В ЦК КПСС идет форсированное уничтожение документов.

Надо срочное Распоряжение Генсека — временно приостановить деятельность здания ЦК КПСС.

Лужков отключил электроэнергию. Силы для выполнения распоряжения Президента СССР — Генсека у Лужкова есть.

Бурбулис

Очень странная, если вдуматься, бумага. Так прямо и написано: «приостановить деятельность здания ЦК КПСС». Слово «здание» в тексте подчеркнуто. И подпись неестественная. Это не подпись под документом, как она обычно ставится, а просто

написано тем же почерком, что и весь документ: «Бурбулис». Но зато не вызывает никакого сомнения резолюция в правом верхнем углу. Прямо в косую поперек текста: «Согласен. М. Горбачев. 23 VIII 91».

Меня все время интересовал вопрос об истории появления этого документа. Очень уж он необычен. Трудно представить себе Геннадия Бурбулиса, который дергает за рукав Горбачева и просит его согласовать текст, написанный на вырванном из блокнота листочке. В 2002 году я оказался вместе с Бурбулисом в Баку и попросил его рассказать, как этот листок появился. И вот, что я услышал.

Утром 23 августа в Кремле в кабинете Ельцина состоялась его встреча с Горбачевым, накануне вечером вернувшимся из Фороса. Разумеется, им было что обсуждать, и Коржаков, стоявший у дверей кабинета, получил строгое указание никого не пускать. В это время Бурбулису, которого тогда в Кремле не было, позвонил кто-то из охраны ЦК и сказал, что идет уничтожение документов, надо взять под охрану и т.д. Бурбулис звонит Коржакову и просит доложить об этом Ельцину. Тот, помня строгое указание, — ни в какую. Тогда Бурбулис надиктовывает ему текст, тот записывает его на вырванном из какого-то блокнота листочке. После этого Коржаков входит в кабинет и, стараясь не обращать внимания на сердитый взгляд Ельцина, молча протягивает ему листок. Тот прочитал и также молча передает его Горбачеву. Тот прочитал и смотрит на Ельцина. Ельцин то ли кивнул, то ли сказал «угу», и Горбачев ставит свою резолюцию.

На этот раз у Попова никаких обсуждений. Говорит четко: «Я уже дал поручения Савостьянову. Он сейчас выезжает на Старую площадь. Мое распоряжение готовится. Берите его и направляйтесь туда же. Докладывайте мне или Лужкову». Как раз в это время в Белом доме начиналось заседание ВС РСФСР, на котором Б. Ельцин собирался зачитать Указ о КПСС и предложить М. Горбачеву подписать его. К моменту начала этого обсуждения здания ЦК КПСС должны быть заняты.

Вчерашняя история в чем-то повторяется. Я опять с Распоряжением Мэра в кармане еду на этот раз на Старую площадь. Название Распоряжения довольно мудреное:

О временном приостановлении деятельности ЦК КПСС и ЦК КП РСФСР в связи с участием
или содействием сотрудников аппарата ЦК КПСС и ЦК КП РСФСР в государственном
перевороте.

Но первый пункт Распоряжения вполне конкретен.

Временно до завершения расследования причастности руководящих органов КПСС
и КП РСФСР к организации государственного переворота приостановить 23 августа с 15
часов деятельность Центрального комитета КПСС и Центрального комитета КП РСФСР в
городе Москве.

Перед зданием ЦК стихийный митинг. Требуют закрытия и прекращения деятельности. У некоторых в руках транзисторы, слушают последние новости. В Белом доме идет заседание Верховного Совета РСФСР. Прохожу к подъезду здания. На ходу отвечая на вопросы, говорю, что все уже решено, осталось еще немного подождать. У подъезда милиция, здание охраняется. Предъявляю Распоряжение Г. Попова, поднимаюсь на второй этаж в кабинет управделами ЦК Н. Кручины. В кабинете уже Е. Савостьянов и В. Шахновский⁹ — все чего-то ждут. Окна выходят на площадь, за окнами шум толпы. Я показываю Кручине Распоряжение Попова. Он как-то нехотя, мельком смотрит на него и кивает головой. Кто-то входит.

— Проводи их в радиоузел, — говорит Кручина.

⁹ В августе 1991 г. депутат Моссовета, управляющий делами Мэрии Москвы.

Ребята уходят, они идут в радиоузел сообщить по внутренней трансляции о том, что деятельность ЦК приостанавливается и к 15.00 всем предлагается покинуть здание. А я прошу Кручину представить меня начальнику охраны. Вскоре появляется молодой человек в штатском, представляется начальником комендатуры по охране административных зданий ЦК КПСС Фроловым. Спускаемся на первый этаж в его маленький кабинетик.

Показываю ему Распоряжение Г. Попова и говорю, что все его люди также должны покинуть здание.

- Сколько вас здесь?
- Человек девяносто.
- Сколько нужно, чтобы собраться?
- А как собираться?
- Собирайте личные вещи и уходите.
- А оружие?
- Никто обыскивать вас не будет.
- А толпа?
- Да никто вас не тронет.

Он пошел отдавать распоряжение. Но, видимо, что-то не так объяснил, или его не так поняли, или просто обстановка была достаточно нервная, и очень нервировала все прибывавшая толпа на площади, гул которой здесь, на первом этаже, был еще слышенее. Несколько раз в кабинет Фролова врывались его подчиненные и заполошно кричали. «Да чтобы я, офицер, позволил какой-то толпе себя обыскивать. Да никогда. Да я оружие применю». Успокаивали, как могли.

Но успокаивать приходилось и толпу под окнами. Пару раз я раскрывал окно кабинета и, стоя в оконном проеме, через «матюгальник» объяснял, что все в порядке, все сотрудники покидают здание, идет нормальный бюрократический процесс передачи помещений. Конечно же, я не говорил, что «принимают помещения» всего три человека.

Между тем, по громкой связи во всех зданиях комплекса ЦК прозвучало обращение Савостьянова: «Деятельность ЦК приостанавливается. Всем сотрудникам предлагается до 15.00 покинуть здание». Савостьянов и Шахновский спустились в кабинет Фролова. По дороге Василий не мог отказать себе в удовольствии сообщить Г. Попову: «Гавриил Харитонович, ваше задание выполнено. Здание ЦК нами занято. Я звоню вам из кабинета Генерального секретаря ЦК КПСС».

Народ в зданиях стал собирать вещи и потянулся на выход. На выход были открыты все проходные. Отдельные эксцессы быстро пресекаются. Победители великодушны. В целом все было спокойно и даже буднично. Как будто уставшие пассажиры с сумками и авоськами покидают остановившуюся в пристанционном тупике последнюю электричку.

Нужно было что-то решать с охраной зданий. Ведь ЦК занимал несколько кварталов, десятки зданий. К нашей нечаянной радости, совершенно неожиданно в кабинет Фролова вошел депутат Моссовета А. Соколов и с ним еще пара ребят. Как потом выяснилось, попали они на Старую площадь вполне случайно. Но более удачного момента они не могли найти. Александр Соколов, бывший военнослужащий, что называется «знал службу». Через десять минут я уже подписывал Распоряжение префекта «О назначении коменданта зданий ЦК КПСС на Старой площади». Соколов вызвал по телефону еще несколько своих друзей. Так возникла команда, которой предстояло на первое время обеспечить охрану всего комплекса зданий ЦК на Старой площади.

А старая охрана покидала объект. В 19 часов был подписан акт, первый пункт которого констатировал:

1. В 19.20 23 августа 1991 года на основании указания Президента СССР Горбачева М.С. войсковая охрана административных зданий ЦК КПСС караулом войсковой части ... снята.

Вместе с Фроловым мы обошли этажи затихшего здания. Некоторые кабинеты раскрыты, шкафы раскрыты, на полу рваные бумаги. Глядя на таблички с фамилиями хозяев кабинетов, он произносил: «Это ЦК», и Саша Соколов наклеивал на дверь бумажку со своей подписью. «Опечатано». «А это — аппарат Президента», — тогда мы переходили к следующей двери. Вряд ли можно было представить более наглядную демонстрацию сращивания и переплетения государственной и партийной власти.

«Здесь ключи от всех помещений», — Фролов вошел в маленькую комнату и подвел нас к висевшему на стене застекленному ящику. Трудно передать ощущения, которые охватили меня. Я читал названия: «Общий отдел», «Отдел административных органов», «Международный отдел»...

Сколько раз в жизни каждого человека появлялись эти названия. В газетах, в книгах, в эфире радио- и теленовостей, да и просто в разговорах. Они олицетворяли, прежде всего, огромную власть. Власть над огромными ресурсами, над судьбами миллионов людей, над несметными богатствами. И вот теперь эти ключи висят под пломбами за стеклом, и за ними уже никто не придет.

Я попросил В. Фролова собрать своих людей, прежде чем они покинут здание. В небольшом помещении «Ленинской комнаты» собралось человек восемьдесят. Я сказал им, что непосредственно к ним никаких претензий нет. «Вы охраняли Президента СССР, и не вы виноваты в том, что он построил свою работу в столь неразрывном единстве с ЦК КПСС». И еще сказал, что молодые грамотные люди, а именно такие были в тот момент передо мной, безусловно, будут востребованы. Вопросов не было. Ребята пошли на выход.

Вот теперь, действительно, все было кончено. По внешнему периметру комплекса зданий ЦК КПСС на Старой площади дежурили милиционеры Бауманского РУВД. Внутри зданий в гулких пустых коридорах с опечатанными кабинетами оставались только ребята Соколова.

Одна из самых могущественных на планете организаций тихо и спокойно перестала существовать.

За прошедшие пятнадцать лет много чего написано и об этом путче, и, особенно, о той ночи с 20-го на 21-е. Ночи, когда все решилось, ночи, когда ожидался штурм. Писалось, например, что Ельцин поддерживал постоянную связь с председателем КГБ Крючковым, что секретарь Совета безопасности Ю. Скоков в качестве доверенного лица Ельцина тайно встречался с командующим ВДВ П. Грачевым, что весь этот путч был вовсе не путч, а какая-то оперетка, и замыслился он с какими-то тайными намерениями. А еще писали, что весь этот путч был задуман, сконструирован и осуществлен то ли ЦРУ, то ли Моссад, то ли и все же КГБ.

Может, это все и так (кроме ЦРУ, Моссада и, в особенности, КГБ), а, может, вовсе и нет. Может, мы обо всем этом когда-нибудь узнаем, а, может, не узнаем никогда.

А еще было написано много и вовсе откровенного и подлого вранья про грузовики с водкой, про поголовное пьянство, про перепившихся и потерявших человеческий облик защитников баррикад.

Но все это ни в коей мере не умаляет мужества и не снижает чистоты помыслов тех, кто вышел в эти дни на улицы Москвы и других городов. Тех, кто участвовал в митингах и демонстрациях, кто размножал и раздавал листовки. Тех, кто объяснял солдатам на московских улицах в какую авантюру их хотят втянуть, кто стоял на баррикадах у Белого дома.

Эти люди не знали ни о каких закулисных переговорах — если даже таковые и были. Они не знали ни о каких тайных договоренностях — если даже таковые имели место. (И в том, и в другом лично я крепко сомневаюсь.) Эти люди действовали в

соответствии со своими убеждениями. Они готовы были бороться за эти убеждения, они не разбежались в ожидании предстоящего штурма, они готовы были защищать Белый дом, они готовы были погибнуть на этих баррикадах.

И они победили!

В эти три коротких августовских дня Белый дом (даже не его обитатели) поднялся до Символа. Символа надежды на новую, достойную человеческую жизнь, надежды на справедливость. Символа того, что безраздельная власть над людьми, осознавшими свою свободу, более невозможна. И каждый, кто стоял тогда на баррикадах Белого дома, демонстрировал столь долгие годы загоняемое куда-то вглубь, но не утраченное и вновь развернувшееся во всей своей прекрасной полноте чувство собственного достоинства. «Это мы будем решать свою судьбу, а не те, кто в высоких кабинетах могут отдавать приказы о вводе танков в мирные города. Это мы будем определять, как нам жить, и не позволим никому этого делать за нас».

И это они победили!

И нет их вины в том, что народ не смог в полной мере увидеть плоды своей победы, что многие ожидания людей оказались иллюзиями, а надежды, которые вели людей на баррикады, столь быстро сменились разочарованиями.

А сам я всегда буду гордиться тем, что в дни путча всеми силами помогал приблизить эту победу. Но уже многие годы я живу с ощущением, что часть той вины лежит на мне.

2016